

В этот день я, преподаватель института, и Инга, моя студентка, решили прогулять занятия и прокатиться по нашей могучей реке. Едва отчалили от берега, Инга стала уговаривать меня пересечь Волгу-матушку и отдохнуть вдаль от людей. Это было не безопасно, но молодая леди не хотела и слушать мои возражения. И, конечно же, пришлось подчиниться. Переплыли реку благополучно, нашли укромное местечко и причалили. Вдруг Инга говорит: «Знаете, профессор, я уже целый год ни с кем не трахалась!» «Хорошенькое начало», — подумал я, а вслух сказал: «И тем не менее, насколько я знаю, ты не можешь пожаловаться, что у тебя нет поклонников, не так ли?» «Да, но меня не волнуют одногодки, потому что они зеленые и не могут мне доставить настоящего удовольствия. Другое дело — вы. С вами мне интересно общаться, вы можете слушать и без особых усилий выуживаете самую сокровенную тайну». Попытался оттолкнуть девушку от себя: «Я не тот тип мужчины, который тебе нужен и, кроме того, стар для тебя». Похоже, что мои слова не возымели должного действия, и после некоторого раздумья Инга продолжила: «Мне надо вам в кое в чем признаться. Я — девственница».

«Вот как! А как же твои многочисленные любовные истории, о которых ты мне рассказывала во время экзаменов? Значит, ты лгала».

«Нет, все это правда, только я отдаюсь задницей, ну, в смысле в зад. А чего это у вас глаза круглые? В первый раз слышите о таком? А знаете, почти все арабские девушки до свадьбы трахаются в попку?»

«Гм, однако, вы, юная леди, хорошо подкованы в определенных вопросах». Поощренная моим замечанием, Инга откровенничает дальше: «У нас в институте многие парни не любят это и избегают нас, обзывая ненормальными или извращенками. Но вы же так не считаете, правда?» Эта маленькая сучка свое дело знает туго, размышлял я, когда она, не прерывая монолога, медленно одну за другой, расстегнула застёжки блузки. Красивый черный бюстгальтер еле удерживал тяжело вздымавшуюся грудь. Инга взяла мою руку в свою и прижала к сисечкам: нежная и упругая, одновременно молодая плоть. Ничто так хорошо не заполняет ладонь, как женская грудь. Инга сняла лифчик, открыв моему взору чудо природы. Взял губами сосочки и стал наблюдать за реакцией юной соблазнительницы. После нескольких засосов глаза девушки затянулись поволокой, голова откинулась назад, дыхание участилось. В полуоткрытый рот сунул указательный палец, и она с жадностью стала сосать его. Инга завелась с полуоборота. Она тяжело дышала, охваченная глубоким ознобом. Я сгреб девушку в охапку, прислонил к дереву, руки поднял над головой. Ввинчиваю язык в подпочечные впадинки, медленно поднимаюсь выше, обследуя каждый позвонок, до затылка, убрав в сторону ниспадающие волосы. Чувственный слизняк, я неоднократно спускался и вновь поднимался вдоль позвоночника, каждый раз меняя силу нажима языком, как бы ваял заново безупречный девичий стан. Дело мастера боится. «Да... да... очень приятно... давай возьми меня...» — шептала Инга. Мне хотелось заставить эту сладкую сучку томиться ожиданием. Ей же не терпелось: «Давай... давай... больше не могу!...» Я продолжаю свои ласки: «Нет... не сейчас... Дай мне время насладиться тобой... Хочу вдуть тебе, как никто и никогда тебя не трахал... Никогда не забудешь...» Смирившаяся и полностью доверившаяся Инга чуть слышно пролепетала: «Да... делай, что хочешь...»

Осторожно спускаю с нее трусики, стремясь продлить приятное томление. Великолепие обнажения: у нее изумительная задница, округлая, величественная, упругая, — глаз не оторвать. Вцепился зубами в черные трусики, отделанные кружевами, и потянул их вниз, помогая нетерпеливыми пальцами. Красивый треугольник чернее ночи. Волосы вьющиеся, короткие, аккуратно подстриженные, лоснящиеся. Потеря губами о лобковую часть телки в поисках драгоценных камней и с наслаждением вдыхал чудесный запах свежесрезанного папоротника. У меня закружилась голова. Раздвинул стройные ножки и с жадностью прильнул губами к секрету животворного источника. Слышал над собой сладострастные стоны. Инга бесилась от плотской дрожи, запустила цепкие пальцы в мою шевелюру и тащила за волосы: «Чего ждешь? Возьми меня в задницу!»

Взвинченный, отвечаю: «Маленькая сучка, ты кончишь тем, что получишь свое». Поставил девушку «раком» и уткнулся своей палкой, твердой, как кремь, в борозду ягодиц. Наступал, отступал, действуя, как слепой, продвигаясь вперед с помощью белой трости. Головка члена вся в огне. Двумя руками раздвинул половинки, — отверстие заднего прохода раскрылось передо мной. Прицелился. Одним толчком вогнал копьё. Инга подскочила, заорала благим матом, попыталась схватить мой гарпун, но ствол был уже внутри. Я взломал тесное колечко, загнал дурачка по самые яйца. Инга рычала как раненый зверь. Почувствовал, как она поплыла: «Еще... да... еще... кончаю...» Это был мой миг. Это было мое безрассудство. Выпятил грудь, взял разбег. Я понимал, что дрючу в жопу эту сучку в первый и последний раз. Всю ярость — наружу. Я мстил за свой удел, за повседневные неприятности. Как зверь. Хотел пронзить Ингу насквозь, продырявить затылок изнутри, приковать к себе навсегда. Однако пламя пожара уже охватило меня, обжигало, выходило из-под контроля. Инга опередила меня, — кончила первая, и, уткнувшись в растрепанные волосы, я вскоре тоже растворялся в оргазме. Каждая клетка моего бушующего тела была мерцающей звездой. С трудом улавливал и переваривал, что Инга мне выкрикивала: «Животное! Ебать хренов!» опустошенный и обессиленный вышел из нее, лизал ягодицы, как ласковый щенок, преисполненный благодарности, нежно гладил бедра, сильно прижимал к себе, обхватив за талию, склонился к уху и прошептал: «Я только что облетел всю вселенную...» В знак согласия Инга поспешила уточнить: «Конечно же, ты воспользовался той ракетой, что у тебя между ног...»

Как бы там ни было, она подарила мне свои черные трусики. Я пришел к выходному пиджаку кармашек, положил туда бесценный сувенир и ношу его по вечерам как декоративный карманный платочек.